

Актер Александр Пороховщиков:

7р49 - 1992 - 29 авг.

«...Я УДАРИЛ, И ПАРЕНЬ УПАЛ»

Александр Пороховщиков скоро отметит двадцатилетие своей работы в кино. В кинотеатре «Октябрь» с 14 сентября по 1 октября пройдет ретроспектива его фильмов, затем — с 1 по 4 октября — премьера ленты, которую он снял как режиссер. Удачная, счастливо сложившаяся профессиональная судьба—кто стал бы в этом сомневаться! И все же Пороховщиков на экране оставляет впечатление какой-то недоговоренности. Он такой, каким ему определили быть сценарист и режиссер. И в то же время — всегда значительный и глубже. С этого мы и начали наш разговор.

— Александр Шалвович, первую большую роль на театре вы сыграли в 1967 году в знаменитом спектакле М. Захарова «Доходное место». Ваш Белоголов казался олицетворением рвущихся к власти молодых функционеров. Хорошо воспитанный, в меру образованный и совершенно безжалостный. В этом красноречиво, лощеном чиновнике была какая-то мистическая загадка, какая-то даже «скультурность» — мелкий, зыбучий казался воплощением Ее Величества Российской Бюрократии. Позже Захаров писал, что вы — актер, в котором есть тайна. Как, по-вашему, удалось ли режиссерам ее разгадать?

— Своя тайна есть у любого актера. Да что там — у любого человека. Ты глядишь на кого-то и понимаешь — перед тобой лишь верхушка айсберга, а главное — скрыто глубоко под водой. Вспомните «Крестного отца», «Однажды в Америке»: минимум актерских средств и при этом максимум выразительности. Никакой мистики тут нет, секрет в современной технике актерской игры. И все же... Знаете, кажется, сейчас я сам себе начну возражать.

Видите вон там, на столе, лежат рисунки? Это гербы рода Пороховщичовых и наше родословное древо. Если на киноэкране, на театральной сцене во мне и ощутима какая-то загадка, то она в истории нашей семьи, в сплетенной с ней истории моей собственной жизни.

— Недавно мне удалось посмотреть ваш новый фильм «Цензура» к памяти не допускаю, не пошедший пока широким экраном. Вы были сценаристом, режиссером, исполнили главную роль... Скажите, вы рассказывали в нем историю своей собственной семьи?

— Да, конечно же! Не случай. Но ведь мать героя играет моя мама. Дед, расстрелянный НКВД, — мой собственный дед. Види-

те фотографию на стене — вон ту, где самолет?

— Он был летчиком? — Он изобрел первый в мире танк — русская армия испытывала его в 1915 году. А кроме этого, и летал, и самолеты конструировал. Удивительный, судя по всему, был человек! В Бронетанковой академии, где он работал, сохранились сотни патентов на его изобретения. Из следственных материалов я узнал, что расстреляли его в 1941 году...

Вообще эти материалы — кладезь познаний. Я, к примеру, вычитал в них, что мой прадед был одним из строителей храма Христа Спасителя в Москве, что в Петербурге у него были фабрики и дома. Вот только то, что он заказал нуждавшемуся Репину картину «Могучая кучка», ЧК к делу не подверстало.

Вот еще одна фотография: он и его сестра, совсем маленькие, на осликах, с гувернантками, у нашей виллы в Ментоне... После семнадцатого года дед стал красным командиром, был одним из первых советских летчиков, служил в Гатчинском авиаполку. Предсмертными словами прадеда, скончавшегося в восемнадцать, были: «Погибла Россия». Сын его встретил революцию словами «Вот теперь-то и работать...» И получил за свою работу кусок свинца.

— Значит, и ваш герой в фильме (конечно, до тех пор, пока он, взяв револьвер, не отправляется мстить за деда) тоже вы? Из вашей жизни взяты блатные разборки и драки. Важней была кожаная перчатка с приданными к ней гвоздями...

— Конечно.

— Хулиганили?

— Да, и не только. Бывало и

хуже. Из Москвы мы перебрались в Магнитогорск, а после смерти Сталина в Челябинск. Там были драки, резня, убийства... Но такого цинизма, предательства в дружбе, продажности, как сейчас, не было. Хотя жизнь была крутая. До сих пор, если меня заведут, я час могу разговаривать одним матом — так сказать, впадаю в детство. Я и боксом стал заниматься, чтобы выжить. Бывало, приходишь домой, а у тебя все губы разбиты в кровь. А для меня ударить человека, да еще в лицо, было почти катастрофой — еще бы. Мальчик из интеллигентной семьи. Но как-то вынудили, попробовал — и парень упал. И я пошел в секцию, стал тренироваться по системе Рокки Марчиано, один из тренеров союзной сборной, хотел даже со мной заниматься... А перчатка с гвоздем до сих пор лежит у меня в столе.

Все это я веду к тому, чтобы пояснить — есть одно, выработанное всей нашей историей, всей жизнью, качеством, которое, на мой взгляд, и придает загадочность взглядам русских актеров. Да и все остальные, живущие здесь, как мне кажется, от него не свободны. Это тоска, внутренний надлом, ощущение некоего вселенского трагизма, в который ты и твои близкие попали, как кур во щи. Вы заметили старика на лестничной клетке? Это бывший прокурор. Он целыми днями пьет, а потом выходит из дому и беседует с теми, кого расстрелял в тридцатые годы. Глаза он прячет, но если бы вы в них заглянули, то вздрогнули бы — вот где мистика!

— И все же удалось ли тем, кто вас снимал и ставил спектакли с вашим участием, разгадать то, о чем писал Захаров? Мне, честно говоря, кажется, что после самого Марка Анатольевича к этому никто и близко не подошел. Во всяком случае, в кино. В противном случае вы едва ли пошли бы в кинорежиссуру...

— Вы бы лучше спросили, почему я в актеры пошел. Я ведь учился в Челябинском медицинском институте, медицину

любил и люблю до сих пор, считаю, что это лучшая в мире профессия... Но мне хотелось, чтобы фамилию «Пороховщичов» десятиаршинными буквами писали на всех заборах. Деда реабилитировали, но всем-то ведь не расскажешь, что он оправдан. Нам сказали: «Простите Родину» — а мне этого мало. Были ведь и такие, кто, увидев нас, переходил на другую сторону улицы — это, кстати, есть в фильме. Бывало, приду домой и слышу всхлипы — бабушка плачет. Она не могла понять, что произошло: забрали мужа, разорили семью — за что?

А режиссурой я занялся потому, что актер кругом зависим — от постановщика, критики, продавца в магазине, советуемого, как играть... Сколько актерских судеб сломано из-за того, что режиссеры кого-то «не увидели», сколько талантливых людей, моих друзей, пошло на дно, опустилось, спилось! К тому же, снимая сам, ты создаешь вещь, о которой можешь сказать: «Это мое, я за это отвечаю» — тут уже не сошлешься ни на кого... В «Цензуре...» я пытался быть предельно искренним и честным. Впрочем, судите сами — в октябре фильм уже выйдет.

— Александр Шалвович, многие режиссеры сейчас жалуются на то, что в кино наступил полнейший беспредел. Очень трудно «запустить» фильм, съемки стоят огромных денег... А вы, судя по всему, чувствуете себя достаточно уверенно?

— Раньше легче было «запустить», зато Госкино тебя могло закрыть — велика ли разница? Феерический беспредел был некоторое время назад, когда Госкино уже не было, с него сыпались шальные сотни тысяч, и кино снимали все, вплоть до дворников. Да, нынче тяжело, спонсоры уже перестали давать деньги. Но я этого как-то не ощущаю. Мне почему-то верят. И денег под мои замыслы не жалеют... Я вам больше скажу — именно сейчас я ощутил, что кто-то занимается моей судьбой. Это, например, Сергей Васильевич Дронов, предприниматель, ставший нашим деловым

партнером, компания «Динрай», вместе с нами занимающаяся дальнейшей судьбой фильма.

Если на экраны перестанут выходить отечественные фильмы и их заменит американско-гонконгская кинопродукция, снятая для экспорта в страны «третьего мира», то кончится это черт знает чем. Недавно директриса одного из кинотеатров плакалась — «Александр Шалвович, у меня сестру изнасиловали!» А видели бы вы ее афишу: мордобой, стрельба и секс, наглядные пособия для местного хулиганья. От серьезных картин она отпихивалась руками и ногами. Так на что жалуетесь, больной?

Наш народ глубоко нравствен — я в этом убежден. Но мы живем в страшную эпоху, когда продается решительно все. Это было и раньше, но сейчас, похоже, для огромного числа людей подобное становится точкой зрения, жизненным принципом. Какая любовь? Какая дружба? Да полно, не смешите... Для того чтобы противостоять этому, мы и снимаем кино.

— Александр Шалвович, у вас в доме настоящий арсенал, целая батарея ружей — и не на стене, а под рукой...

— Я живу в центре, рядом с ВДНХ. Ничего ценного в квартире, как видите, нет, но сейчас, похоже, это и не важно. То в дверь пинками засаживают, то где-то слышна пальба, то машину раскурочат... Словом, как и повсюду в Москве. Порой кажется, что я снова вернулся в юность — в Магнитогорск сорок пятого года. Ружья охотничьи, у меня есть на них билет, и все — заряжены. Если кто-то попытается вломиться... Да-да, не улыбайся, я так и сделаю. Можешь быть уверен.

Беседу вел
Алексей ФИЛИППОВ.